

УДК 004:165

**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ:
НАСЛЕДИЕ ПОСТПОЗИТИВИЗМА**

Полина Сергеевна Красюк

студент

pooliinaa.chkaa@gmail.com

Олег Сергеевич Елецков

студент

olegeleckov@mail.ru

Плотников Валерий Валерьевич

кандидат философских наук, преподаватель

antidoxiya84@mail.ru

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье исследуется трансформация эпистемологических оснований в области информационных систем (ИС), обусловленная переходом от классического позитивизма к постпозитивистским методологическим установкам. Анализируется, как доминировавшее ранее представление об ИС как о нейтральных инструментах сбора и обработки объективных данных уступает место пониманию ИС как сложных социотехнических конструктов. В рамках постпозитивистской парадигмы (критического реализма) ИС рассматриваются как системы, в которых знание не просто отражается, а активно конструируется, несет на себе отпечаток теоретических допущений разработчиков и подвержено влиянию социальных, культурных и дискурсивных факторов. Рассматривается влияние «теоретической нагруженности» на процессы сбора данных, проектирования архитектур и разработки алгоритмов. Особое внимание уделяется эпистемологическим рискам, возникающим в современных ИС,

включая проблемы «черных ящиков» в машинном обучении и роль ИС в формировании общественного дискурса и структур «мягкой силы». Статья демонстрирует, что постпозитивистская рефлексия необходима для адекватного понимания природы знания в цифровой среде и для разработки ответственных подходов к проектированию ИС.

Ключевые слова: эпистемология, информационные системы, постпозитивизм, критический реализм, знание, информация, социотехнические системы.

Современная цивилизация немислима без информационных систем (ИС), пронизывающих все сферы человеческой деятельности, от науки и образования до управления и повседневных коммуникаций. ИС выступают не просто как хранилища данных, но как ключевые медиаторы человеческого познания, фундаментально изменяя способы производства, верификации и трансляции знаний. Глубинная трансформация познавательных практик актуализирует фундаментальный вопрос: какова природа знания, циркулирующего в ИС? Ответ на данный вопрос лежит в области эпистемологии – учения о познании. Исторически исследования и разработка ИС во многом опирались на имплицитные установки классического позитивизма, предполагавшие возможность объективной, нейтральной фиксации фактов и построения ИС как «зеркала» реальности.

Однако во второй половине XX века философская критика позитивизма, ассоциируемая с работами К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и П. Фейерабенда, привела к формированию постпозитивистской эпистемологии. Постпозитивизм, в особенности его влиятельная версия в виде критического реализма, не отрицает существование объективной реальности, но подвергает сомнению возможность ее прямого, неискаженного познания. Познание всегда опосредовано теорией, языком, инструментами и ценностными установками исследователя. Наследие постпозитивистской мысли оказалось чрезвычайно продуктивным для социальных наук и постепенно начинает оказывать влияние на осмысление ИС.

Целью настоящей работы является анализ влияния постпозитивистской эпистемологии на понимание природы информационных систем. Мы стремимся показать, как отказ от позитивистского идеала «объективных данных» в пользу концепции «теоретической нагруженности» и признания социокультурной обусловленности познания изменяет подходы к проектированию, внедрению и оценке ИС.

Доминировавшая долгое время в инженерии и компьютерных науках позитивистская эпистемология рассматривала ИС как нейтральные технические артефакты. В рамках данной парадигмы предполагалось, что данные – суть

«сырые факты», объективно отражающие состояние мира, а задача ИС – эффективно их собирать, хранить и обрабатывать. Знание мыслилось как результат логического вывода из эмпирически верифицированных данных. Алгоритмы считались объективными процедурами, свободными от человеческих предубеждений.

Постпозитивистская критика радикально меняет оптику. Во-первых, подвергается сомнению само понятие «сырых данных» (raw data). Любые данные, попадающие в ИС, уже являются результатом селекции, интерпретации и структурирования. Выбор того, *какие* данные собирать, *как* их классифицировать, *в каком* формате хранить – все решения являются «теоретически нагруженными». Архитектура базы данных – не нейтральное хранилище, а эпистемологическая структура, воплощающая определенную модель реальности, определенный способ видения мира. Она делает одни аспекты видимыми, а другие систематически исключает.

Во-вторых, постпозитивизм акцентирует внимание на неизбежной предвзятости (bias), встроенной в ИС. Алгоритмы, особенно в области искусственного интеллекта и машинного обучения, создаются людьми (или обучаются на данных, собранных людьми) и несут в себе ценностные установки, культурные нормы и социальные предрассудки своих создателей. Модели ИИ, обученные на исторических данных, могут воспроизводить и усиливать существующее социальное неравенство. Постпозитивистский подход требует не наивной веры в «объективность» алгоритма, а критической рефлексии и фальсификации – постоянной проверки моделей на устойчивость к различным искажениям и предвзятостям.

Постпозитивистская эпистемология обостряет необходимость различения понятий «информация» и «знание», чьи парадоксы сходства и различия детально анализируются в современной культурологии [2]. Позитивистский подход склонен отождествлять информацию со знанием, полагая, что накопление данных автоматически ведет к приращению знания.

Критический реализм, напротив, настаивает, что информация (структурированные данные) является лишь *ресурсом* для производства знания. Знание – результат сложного когнитивного и социального процесса интерпретации, осмысления, контекстуализации и включения информации в существующие у субъекта (или сообщества) понятийные структуры. ИС, таким образом, являются не хранилищами готового знания, а средами, поставляющими информационный контент, который должен быть эпистемологически «достроен» пользователем [2].

Более того, ИС функционируют в специфическом контексте, который можно охарактеризовать как «цифровая культура» [4]. Особенности цифровой культуры, такие как клиповость мышления, ориентация на скорость, а не на глубину, и сетевой характер коммуникаций, напрямую влияют на эпистемологические стандарты. В гуманитарном знании, как отмечают Г. А. Ермоленко и С. Б. Кожевников, цифровизация приводит к трансформации практик чтения, письма и аргументации [4]. ИС, разработанные в логике «цифровой культуры», могут неявно поощрять поверхностное «знание-информацию» в ущерб глубокому, рефлексивному «знанию-пониманию».

Отказ от позитивистской иллюзии нейтральности позволяет увидеть ИС как активных участников формирования социального и политического дискурса. Информационные системы, особенно медиа-платформы и поисковые машины, выступают в роли «интерфейса» между различными акторами, например, между политической наукой (как производителем экспертного знания) и широким политическим дискурсом [1].

Как отмечают О. В. Гаман-Голутвина и соавторы, конфигурация подобных интерфейсов, алгоритмы ранжирования и рекомендации контента не являются технически нейтральными [1]. Они активно модерируют общественную дискуссию, определяя, какие голоса будут услышаны, какие факты получат приоритет, а какие окажутся маргинализированными. Эпистемология ИС в данном контексте смыкается с политической философией.

В более широком, глобальном масштабе ИС становятся инструментами реализации «мягкой силы» в науке и образовании [6]. Контроль над крупнейшими наукометрическими базами данных, образовательными платформами или академическими социальными сетями позволяет неявно влиять на глобальные векторы развития науки. Социально-эпистемологические аспекты функционирования ИС, как показывают А. В. Макулин и М. А. Мирелли, включают в себя продвижение определенных методологий, научных школ и даже языковых норм, что закрепляет существующие иерархии в мировом научном пространстве [6]. Эпистемология ИС оказывается неразрывно связана со структурами власти и влияния.

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) ставит перед эпистемологией ИС новые, еще более сложные вопросы. Современные нейросетевые модели часто функционируют как «черные ящики»: они демонстрируют высокую эффективность в решении задач, но логика их внутренних операций остается непрозрачной для человека. Возникает парадокс: система *производит* нечто, похожее на знание (например, точный диагноз или успешную стратегию), но мы не можем *понять*, как она к нему пришла.

Постпозитивистский принцип фальсификации (критической проверки) здесь сталкивается с серьезными трудностями. Если мы не понимаем механизм вывода, мы не можем его критически оценить. Г. Додиг-Црнкович предлагает рассматривать «естественные морфологические вычисления» как основу обучения у живых существ и машин [3]. В рамках такого подхода ИИ-системы рассматриваются как агенты, развивающие собственные когнитивные структуры через взаимодействие со средой. Эпистемологический статус «знания» машины, полученного путем самообучения, фундаментально отличается от детерминированного знания традиционных ИС. Такое знание по своей природе является вероятностным, контекстно-зависимым и эмерджентным, что полностью соответствует постпозитивистскому видению познания как несовершенного и развивающегося процесса [3].

Другой пласт проблем связан с функционированием ИС в качестве медиакоммуникационных систем. А. В. Соколов указывает на коммуникативные риски, возникающие на пересечении филологического и коммуникативного знания в современном обществе [7]. ИС, особенно социальные медиа, создают среду, благоприятную для стремительного распространения дезинформации, «фейковых новостей» и манипулятивных нарративов. Эпистемологическая проблема здесь заключается в том, что ИС, спроектированные для максимизации вовлеченности (engagement), могут непреднамеренно поощрять распространение контента, апеллирующего к эмоциям, а не к рациональной аргументации или фактической достоверности [7]. Критерии «истинности» в такой среде размываются.

Наконец, историческая эпистемология предлагает интересную аналогию для понимания ИС. И. А. Кузин, анализируя концепцию генетической информации, показывает, как менялось понимание «кода» в биологии [5]. Подобно тому, как генетическая информация не является простой «инструкцией», а представляет собой сложную систему, реализующуюся во взаимодействии с клеточной средой, информация в ИС также не является самодостаточной. Она «оживает» и приобретает эпистемологическую ценность только во взаимодействии с пользователем, с другими системами и в рамках определенной культурно-исторической практики. Эпистемология ИС, таким образом, должна быть историчной, учитывающей эволюцию как самих технологий, так и способов их осмысления [5].

Выводы. Наследие постпозитивизма фундаментально меняет взгляд на информационные системы. Происходит отказ от наивного реализма и технодетерминизма, свойственных позитивистской парадигме. ИС перестают рассматриваться как нейтральные «зеркала мира» и предстают как сложные, социотехнические конструкторы, активно участвующие в производстве, легитимации и циркуляции знания.

Ключевые постпозитивистские концепты – «теоретическая нагруженность» наблюдения, признание неизбежности предвзятости (bias),

понимание знания как вероятностного и фальсифицируемого, а также учет социокультурного и дискурсивного контекста – становятся обязательными инструментами для анализа современных ИС.

Данный сдвиг имеет важные практические последствия. Он требует от разработчиков и исследователей ИС перехода к рефлексивным практикам: критическому анализу собственных эпистемологических предпосылок, закладываемых в архитектуру систем; разработке методов аудита алгоритмов на предмет предвзятости; созданию ИС, поддерживающих не только хранение информации, но и процессы критического осмысления, интерпретации и делиберации. Эпистемология информационных систем, обогащенная постпозитивистской критикой, становится залогом ответственного и гуманистически-ориентированного развития цифровых технологий.

Список литературы:

1. Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И., Артеев С. П. Интерфейс между политической наукой и политическим дискурсом // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 139-156. DOI 10.17976/jpps/2021.02.10. EDN NHFHET.

2. Грачев В. И. Знание и информация в современной культурологии: парадоксы сходства и различия контента // Культура культуры. 2022. № 4. EDN IWWGRV.

3. Додиг-Црнкович Г. Естественные морфологические вычисления как основа способности к обучению у людей, других живых существ и интеллектуальных машин // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 1(19). С. 4-34. DOI 10.17726/philIT.2021.1.1. EDN SZFTMF.

4. Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Цифровая культура и гуманитарное знание // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2020. № 2(34). С. 54-60. DOI 10.25688/2078-9238.2020.34.2.06. EDN PSWNGM.

5. Кузин И. А. Концепция генетической информации и историческая эпистемология // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 6. № 2. С. 114-147. DOI 10.17323/2587-8719-2022-2-114-147. EDN DEGNSQ.

6. Макулин А. В., Мирелли М. А. Глобальные векторы «мягкой силы» в науке и образовании: социально-эпистемологические аспекты // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2023. Т. 23. № 4. С. 92-103. DOI 10.37482/2687-1505-V272. EDN TLWKDW.

7. Соколов А. В. Медиакоммуникации и коммуникативные риски современного общества на пересечении филологического и коммуникативного знания // *Universum: филология и искусствоведение*. 2022. № 10(100). С. 16-20. DOI 10.32743/UniPhil.2022.100.10.14430. EDN QJPWMC.

UDC 004:165

**EPISTEMOLOGY OF INFORMATION SYSTEMS: THE LEGACY OF
POSTPOSITIVISM**

Polina S. Krasnyuk

student

pooliinaa.chkaa@gmail.com

Oleg S. Yeletskov

student

olegeleckov@mail.ru

Valery V. Plotnikov

PhD in philosophy, lecturer

antidoxiya84@mail.ru

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Krasnodar, Russia

Annotation. The article examines the transformation of epistemological foundations in the field of information systems (IS), due to the transition from classical positivism to postpositivist methodological attitudes. The article analyzes how the previously dominant view of IP as neutral tools for collecting and processing objective data is giving way to an understanding of IP as complex sociotechnical constructs. Within the framework of the postpositivist paradigm (critical realism) IP is considered as systems in which knowledge is not just reflected, but actively constructed, bears the imprint of the theoretical assumptions of the developers and is influenced by social, cultural and discursive factors. The influence of «theoretical load» on the processes of data collection, architecture design and algorithm development is considered. Special attention is paid to the epistemological risks that arise in modern IP, including the problems of «black boxes» in machine learning and the role of IP in shaping public discourse and soft power structures. The article demonstrates that postpositivist reflection is necessary for an adequate understanding of the nature of knowledge in the digital environment and for developing responsible approaches to IP design.

Keywords: epistemology, information systems, postpositivism, critical realism, knowledge, information, sociotechnical systems.

Статья поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 01.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.